

МИХАИЛ РЯБИЙ,
кандидат филологических наук

РАЗГОВОР ОТЦА СЕРАФИМА

Среди наших духовных наставников особое место принадлежит преподобному Серафиму Саровскому. Его образ дорог нам прежде всего тем, что он владел даром совершеннейшей любви.

Есть, очевидно, какая-то незримая закономерность в том, что он принял постриг с именем Серафим (“пламенный”), ведь вся жизнь его была пронизана светом и теплом любви. Этот “пламень” не вмещался ни в какие уставные рамки. Вот, пожалуй, то, чего нам сегодня так не хватает!

Пройдя все виды древних аскетических подвигов: пустынножителство (в лесных “пустыньках”), столпничество (в молитве на камне), затвор, молчаличество, старчество, отец Серафим не разочаровался в людях, не смотрел на них по-фарисейски свысока. Он никогда не стремился идеализировать все, что надлежало исполнять подвижнику, в том числе и подвиги своего покаяния и милосердия.

Напротив, всех, к нему приходящих, батюшка Серафим встречал низким поклоном и целованием, приветствуя замечательными словами: “Радость моя, Христос Воскресе!” Эта чистота помыслов позволила саровскому чудотворцу обрести дар прозорливости, благодаря которому дар сердца встречавшихся с ним людей становились для него раскрытой книгой. Такая прозорливость, безусловно, являлась результатом его духовного просветления, что позволяло ему жить, как верить, – и тысячи спасались вокруг него.

Милосердие и доступность его распространялись на иноков и людей светских, на православных и неправославных, его творчеством стали слова утешения и помощь добрыми делами. Его дерзновенная духовная сила, воспарив над убожеством тела, преодолевала грань между мыслимым и являемым – достаточно только вспомнить картину, нарисованную Николаем Александровичем Мотовиловым во время беседы с преподобным “на ближней пажинке своей, возле той же его ближней пустынки, против реки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее”^{*}.

Вся жизнь его, таким образом, стала соединением любви к Богу и ближнему. Поэтому совершенно справедливы слова, обращенные в одной из мо-

РЯБИЙ Михаил Михайлович родился в 1954 году в Комсомольске-на-Амуре, где окончил в 1976 году филологический факультет пединститута. Автор 80 научных публикаций о русской литературе и краеведении. Лауреат премии Югра. Работает в Ханты-Мансийске

^{*} Саровское чудо. О цели христианской жизни. (Беседа преподобного Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым). М., Слово, 1998. С. 40.

литв к святому: “Во дни земнаго жития твоего никтоже от тебе тощ и неутешен отъиде, но всем в сладость бысть видение лика твоего и благоуветливый глас словес твоих”.

Не секрет, что легендарная личность порождает истории и мифы. И, действительно, трудно из-за отсутствия современных технических средств передать с достоверностью все, чему учил духоносный старец в первой трети позапрошлого века, почти два столетия назад. Во всяком случае, его поучения и пророчества испытали определенную творческую интерпретацию со стороны современников-мемуаристов, что вполне понятно, учитывая временной и субъективный факторы, ведь, перелажая его творческое наследие, последователи не могли не привнести в тексты и свое понимание мыслей учителя. Теперь разделить эти вещи было бы вряд ли возможно, да и не нужно: дух откровений батюшки Серафима наполнил жизнь каждого внимавшего ему новым смыслом.

Поэтому очень важно иметь документ от первого лица – свидетельство записанного разговора с преподобным Серафимом.

Его удалось отыскать в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), в фонде Анненковых. В деле за номером 330 хранится небольшой, тронутый желтизной от времени листочек, на котором старательной рукой выведено: “ноябрь 30 го. Саров. Разговор отца Серафима”^{*}.

Запись, если верить дате, сделана до 1833 года, в начале которого почил старец. “Ноябрь 30 го” (так именно в тексте оригинала) может означать либо ноябрь 1830 года, либо просто тридцатый день ноября. (Старец вышел из затвора 25 ноября 1825 года, беседовать с посетителями стал за пять лет до выхода, после затвора жил в ближней пустыньке, а со второй половины 1831 года окончательно перебрался в монастырь.)

Обращает на себя внимание почерк: очевидно, писал человек немолодой, поскольку именно такая каллиграфия встречается у тех, кого обучали грамоте еще в восемнадцатом столетии. Из содержания следует, что запись сделана женщиной, и вероятнее всего, матерью первого биографа А.С. Пушкина – Павла Васильевича Анненкова. Аграфена Федоровна поведала старцу о своем материнском беспокойстве.

Интересны по своему содержанию советы преподобного из “Разговора”, записанного рукой А. Ф. Анненковой: “Не унывать ни в чем и не иметь уныние, от чего великий вред бывает”; “радость привести в ум – и все при нас”^{**}.

И действительно, по свидетельству всех, знавших отца Серафима, его никогда не видели печальным или унывающим, и это радостное настроение духа он старался передавать и другим.

Вот еще одно пожелание старца, запавшее в душу А. Ф. Анненковой: “Чтоб хранить пост и воздержание, среду и пятницу, в среду Христос родился, в пятницу страдал на кресте и умер”.

Наставлял батюшка также “иметь молчание”, “не осуждать никого”, “всегда перед Господом исповедоваться”, поясняя, “что Господь простит яко согрешил умом, душою, сердцем, словом, делом, помыслом ко всем моим чувствам”.

Продолжая наставлять свою собеседницу, старец Серафим подчеркивал необходимость всегда иметь горящий светильник перед Богом. Все эти советы можно воспринимать, очевидно, и в переносном значении: не гневить Бога, вовремя раскаиваться в своих грехах (“перед Господом исповедоваться”), но главное – быть всегда открытым навстречу Богу, в том числе и посредством молитвы к Нему, имея “горящий” светильник веры.

Преподобный при жизни неоднократно советовал всем, испрашивавшим у него истины, прилежно молиться: “<...>восставши от сна, всякий должен оградить себя крестным знамением и, ставши на избранном месте, читать ту спасительную молитву, которую передал Сам Господь, то есть Отче наш до конца, трижды; потом трижды Богородице Дево, радуйся до конца и, наконец, единойды, Символ веры. Эти три молитвы суть основание христианства: первая, как слово Самого Господа и которую Он поставил в образец всех

* Здесь и далее текст “Разговора отца Серафима” цитируется: РГАЛИ. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 330. Л. 1 – л. 1 об.

** Здесь и далее письмо цитируется, по возможности сохраняя пунктуацию и орфографию, по источнику: РГАЛИ. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 272. Л. 1 об. – л. 2.

молитв; вторая принесена с Неба Архангелом в приветствие Пресвятой Деве, Матери Господа; третья же заключает в себе все догматы христианской веры”^{*}.

В документе “Разговор отца Серафима” эта мысль конкретизируется: “до обеда творить молитву Иисусу, а после обеда Божьей Матери – и во всякое время”.

Из “Разговора” также видно, что старец Серафим отвечал и на личные вопросы, гнетущие просительницу. Вот его прозорливые пожелания семейного счастья Аграфене Федоровне Анненковой, поскольку провидцу-батюшке, видно, открылось, что ее супругу Василию Александровичу до конца жизни осталось всего несколько лет: “повиноваться воле мужа и ласкать его” (“ласкать его” зачеркнуто. – **М. Р.**). Или вот совет, замечательный уже тем, что отнести его можно не только к одному конкретному человеку: “Не иметь на кого сердце, ежели кто и в малости огорчит и досадит, то смолчать, от чего большая польза и великая последует радость в душе, а если чего не стерпишь от брата или и сама его словами побранила, то великое после бывает смущение и не покойно сердце”.

Одна из последних записей “Разговора” – благодарность отца Серафима за посещение и просьба молить о себе Бога.

Завершают этот конспект беседы несколько записей. Среди них есть и такая, которая посвящена конкретной проблеме, волновавшей женщину – мать взрослых детей. Речь идет о женитьбе одного из сыновей. Старец дает мудрый совет: “Сама старайся сыскать невесту жениху сына пока ещё молод <...>”. А перед этим подчёркивает: “Чтоб по согласию отдавать замуж. Дабы воздержаться от греха, а наградить, о чем отдать отчет, как за детей <...>”.

Особое внимание обращает на себя предпоследняя запись: “По разговору сказал: понимает, что говорил не о тленной вещи, а о вечности, и не огорчил ли тем <...>”.

Теперь, когда “Разговор” со старцем практически приведен полностью, выскажем еще одно предположение. Поскольку листочек с записями разговора с Серафимом Саровским был найден в фонде Павла Васильевича Анненкова, первого значительного биографа Пушкина, то он вполне мог иметь отношение и к личности Александра Сергеевича. В этом же фонде РГАЛИ, в описи 2, материалы, просветляющие отдельные моменты биографии Пушкина.

Несомненно, Пушкин знал о старце. Услышать о нём он мог ещё при жизни отца Серафима через Ивана Васильевича Киреевского, одного из основателей славянофильского учения, с которым он познакомился осенью 1827 года, бывал у него дома – “Республики у Красных ворот”. Его невеста, а впоследствии и жена, Наталья Петровна Арбенева, была духовной дочерью преподобного. Не мог поэт не знать о старце еще и потому, что Болдино находилось в нескольких десятках верст от Сарова. И уже тогда старец Серафим являлся нравственным ориентиром для тех, кто был призван духовно воспитывать читателей на ниве писательского труда. Нет, совершенно неслучайно появляется его образ на пушкинской рукописи, посвящённой отцам-пустынникам. (То, что перед нами образ преподобного Серафима, после публикации Л. А. Краваль теперь уже не вызывает сомнений. Пушкинской рукой начертано изображение не просто монаха, а святого старца, благословляющего того, кто остался за пределами рисунка. Ещё одна деталь: в изображении Пушкина старец согбен. Одет монах так же, как и батюшка Серафим. Есть и другие доказательства, говорящие в пользу того, что на рисунке не безымянное лицо, а конкретное историческое.)^{**}

Но даже если наше предположение так и останется научной гипотезой, то Пушкин и преподобный Серафим все равно встретились – в архивном фонде Анненковых^{***}. И это символично, ведь, следуя заветам Православия и его подвижников, русская литература спасла не одно поколение читателей тогда, когда казалось, что мир удерживался лишь на тоненькой ниточке от падения

* Наставления отца нашего преподобного Серафима Саровского чудотворца. М.: Издание Курско-Белгородской епархии русской православной церкви: НТИКЦ “Исток”, 1990. С. 15, 16.

** Коваль Л. А. Пушкин и Святой Серафим // Христианская культура. Пушкинская эпоха. Вып. X. Ред.-сост. Э. С. Лебедева. С.-Пб., 1996. С. 26–30.

*** Гипотеза о встрече поэта с преподобным Серафимом высказывалась в статье Бориса Конухова (“Наш современник”, 2006, № 6). – **Прим. ред.**

в бездну... Если убрать из литературы всё то, что незримо связано с христианским сознанием, с учением о боговоплощении, то мы увидим даже не искусство, а лишь умение, технику художественного письма – и она останется для нас непонятной, чужой. Наша классическая словесность – это, прежде всего, вера в возможности человека, реализация которых зависит от духовных приоритетов. Именно в этом контексте станут наиболее понятными и специфика, и исключительность национального литературного творчества. Духовное знание, почерпнутое из русской классики, подобно религиозному знанию, которое предельно конкретно и глубоко лично. Вот почему огромное влияние на отечественную литературу оказывало Православие и его подвижники. И среди них – преподобный Серафим Саровский.

г. Ханты-Мансийск